

ЛІТЕРАТУРНА КЛАСИКА: СУЧАСНИЙ ПОГЛЯД

УДК 821.161.1-3Куприн.09

ПЕРСОНАЖИ А. И. КУПРИНА В КОНТЕКСТЕ СИНЕРГЕТИКИ

Наталія Абабіна, канд. філол. наук, доц.

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова
ababina-nataliya@rambler.ru

В статье отмечается, что основные показатели переходного времени — нестабильность, ощущение «коловращения», бесперспективность, «дробность идей» — свойственны и миропониманию человека, живущего в нем. В связи с этим вполне закономерно наше обращение к прозе А. И. Куприна — она актуальна и современна для нас и несет в себе показательные черты «переходного» художественного сознания. Она воспроизводит ощущение кризиса и хаоса, которые стали «лицом времени»; отражает дробность мира; демонстрирует ироническое отношение к действительности, не соответствующей представлениям о гармонии как основе жизни; корректирует приоритеты бытия. Все эти качества свидетельствуют о том, что в переходное время конца XIX — начала XX вв. формируются новые отношения человека с миром, свойственные и для нашего безыдейного времени.

Ключевые слова: *нелинейная система, синергетика, самоорганизация, бифуркация.*

На данном этапе очень актуально обращение многих авторов к познанию механизмов самоорганизации систем в состоянии нестабильности, «режиме с обострением», фазе кризиса. Это связано с особенностями современной эпохи. Экологический кризис, информационный и демографический взрывы, невиданные социальные потрясения, интенсивная трансформация общественных институтов, всей социокультурной сферы приводят к расширению зон нестабильности и неустойчивости, окружающих человека, меняют его самого, его взгляды на смысл и цели бытия.

На данном этапе доказано, что все рубежные, нестабильные эпохи имеют общие закономерности в развитии, которые способствуют не только разрушению, но и выработке новых методов познания мира — понятие «кризис» в его ретроспективном восприятии дает ощущение

перехода из одной системы отражения мира в другую (новейшую) систему. Синергетика как учение о нестабильности и переходности оперирует понятиями «неустойчивость», «нелинейность», «неравновесность». Ей присущ следующий терминологический ряд: «энтропия» (мера беспорядка), «динамическая неустойчивость», «проблема предельного перехода» и др. Если использовать афоризм И. Р. Пригожина, то синергетика стремится познать «порядок через хаос», которому вполне соответствует понятие «диссипативность». Модель постепенного разупорядочивания компонентов, их перегруппировки и становления нового в его теории выглядит как возможность спонтанного возникновения порядка и организации из беспорядка и хаоса в результате процесса самоорганизации [8]. Отметим, что слова «кризис» и «хаос» в этом контексте лишаются привычного для нас сегодня отрицательного значения.

Теоретические аспекты данной междисциплинарной науки довольно продуктивно используются в монографиях, посвященных исследованию произведений нестабильного времени. Так, «*коловоращение*» как материализованный показатель не линейного, а циклического развития художественных направлений и форм искусства рассматривается в книге Д. В. Затонского «Модернизм и постмодернизм: Мысли об извечном коловоращении изящных и не изящных искусств» (2000). Говоря о закономерности оформления постмодернизма в «постмодернистском» пространстве, украинский ученый видит в нем «нелигитивную» реакцию «на новейшие тектонические сдвиги истории» и, одновременно, «нечто органически бытию человеческому сущее» [3, с. 28]. Колебания, становясь показателем как исторического, так и художественного времени, выражают себя в «сплошном разбросе» — сюжетном, проблемном, стилевом [3, с. 32], — говорит он. В главе десятой только что названного труда, цитируя Деррида, сказавшего о XX столетии как о «медитирующем» времени, как эпохе «...абсолютного саморазрушения без Апокалипсиса, без откровения, без абсолютного знания» [3, с. 205], Д. В. Затонский настаивает: в такие времена рождаются формы искусства «самим себе равные» и «начисто лишённые поступательного движения» [3, с. 207]. В данном случае речь может идти только об уникальности форм искусства переходного времени — они существенно корректируют прошлое и выглядят «странными» в своем «настоящем».

Наибольший интерес для нас представляет вывод ученых о том, что в нелинейном мире окружающая природа и общество в своем существовании и развитии подчиняются нелинейным законам. Основные показатели переходного времени — нестабильность, ощущение «коловращения», бесперспективность, «дробность идей» — свойственны и миропониманию человека, живущего в нем. Линейные закономерности также имеют место, однако они представляют собой лишь частный случай [1].

В связи с этим вполне закономерно наше обращение к прозе А. И. Куприна — она *актуальна* и современна для нас и несет в себе показательные черты «переходного» художественного сознания. Она воспроизводит ощущение кризиса и хаоса, которые стали «лицом времени»; отражает дробность мира; демонстрирует ироническое отношение к действительности, не соответствующей представлениям о гармонии как основе жизни; корректирует приоритеты бытия (социальное уступает место нравственно-этическим и общеприродным ценностям). Все эти качества свидетельствуют о том, что в переходное время конца XIX — начала XX вв. формируются новые отношения человека с миром, свойственные и для нашего безыдейного времени. *Цель данной работы* — выявить их в творчестве А. И. Куприна и рассмотреть в контексте синергетики.

Анализируя особенности мировидения и основные закономерности творчества этого писателя, можно отметить следующее. Далеко не случаен тот факт, что при всей его традиционности А. И. Куприна изначально воспринимали как писателя новой формации — в его произведениях были черты поиска и переосмысления прошлого. Это касалось как выбора героя времени, так и разнородных, но постоянных экспериментов на уровне жанровой формы. Данное положение вещей отмечали и критики, и литературоведы, считая однако «разброс» литературных предпочтений писателя не столько закономерностью, сколько недостатком его творчества.

Мы можем говорить о многовекторности и нелинейности творческих поисков А. И. Куприна в точках бифуркации, то есть о постоянном «ветвлении» авторской мысли в моменты неустойчивости, начинающегося дробления и очередного поиска индивидуального направления движения. Коль так, то общую картину этого движения опять-таки могут проиллюстрировать те, кто изучает дилемму «порядок в хаосе». По этому поводу синергетики утверждают, что нелиней-

ность заявляет о себе вблизи границ стабильных, уже устоявшихся систем. Чтобы перейти из одной системы в другую, нужно попасть в область их совместной границы. При таких переходах система становится обязательно диссипативной, открытой в точках неустойчивости и способной получить информацию, ранее не доступную ей [2, с. 57]. Ее состояние, отмечает Г. Г. Малинецкий, Н. Н. Моисеев назвал «переходом от управляемого мира к направляемому» [7, с. 230]. Эта система — открытая, незамкнутая, самоорганизующаяся — особенно ярко проявляется в критических точках, когда вследствие неустойчивости и неопределенности пути дальнейшей эволюции возникают бифуркации. То есть в процессе перехода из одной структуры в другую проявляется вариативность решений. При этом один режим теряет устойчивость и гибнет, другой приходит на смену ему. В области сильного неравновесия система способна эволюционировать к некоторому новому стационарному состоянию через некие флуктуации, возникающие сначала в определенной области, а затем распространяющиеся на все пространство существования системы.

Самым главным в постижении творчества А. И. Куприна, как нам представляется, является понимание коэволюционных процессов, связанных с его мировидением. Коэволюция в синергетике воспринимается как «интеграция сложных структур в сверхсложное целостное образование» [4, с. 15]. Это явление особенно показательно для этого писателя — он экспериментировал в русле неореализма постоянно и так неожиданно, что кроме словосочетания «разброс предпочтений» его художественное творчество мало чем определяемо. Если учесть, что второй частью коэволюционных процессов является «согласованное, устойчивое развитие этих {вновь образованных} структур» [4, с. 15], то и это утверждение Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова вполне приложимо к наследию изучаемого автора — напомним хотя бы тот факт, что найденная А. И. Куприным модель звуко-словесного оформления «Гранатового браслета» стала частью общемирового художественного достояния.

Итак, эксперименты А. И. Куприна 1890–1900-х гг. подтверждают, что писатель находился если не в самих «точках бифуркации», предполагающих постоянное «ветвление» существующей системы, то вблизи них, и об этом свидетельствуют очень разнородные его творческие решения. Так, среди традиционно описательных рассказов и очерков у А. И. Куприна имеют место авторские легенды («Аль-Ис-

са», 1894); новеллы о чудесном спасении («Чудесный доктор», 1897); подобию полковых анекдотов («Куст сирени», 1894); и даже газетные варианты святочного рассказа (сказки). В это же время он мог написать то мелодраматическое произведение («Впотьмах», 1892), то подражание Ф. М. Достоевскому («Психея», 1892; «Лунной ночью», 1893; «Безумие», 1894; «Наталья Давыдовна», 1896 и др.). Но этот, как сказали бы синергетики, «хаос» имел свой порядок: множественность эксперимента означает начало обновления традиции. Непредсказуемые синтетические сращения, которыми определяется творчество А. И. Куприна, оказывается в данном контексте явлением абсолютно закономерным.

Пребывание в ситуации хаоса часто ведет к духовной деградации и личностному крушению. Избегнуть этого, пишет В. Г. Буданов, может только тот, кто не ошибется (и будет стремиться к этому) в выборе альтернативы. Важное значение здесь имеет случайностный фактор — в условиях «самоорганизующейся материи» его наличие обязательно [2, с. 30]. На пути к аттрактору (то есть точке «стягивания компонентов», к цели, стоящей перед художником) решения чаще всего носят спонтанный, мало того, непрогнозируемый характер. В этой ситуации, говорят Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов, человеку следует не противостоять миру со своей устойчивой шкалой явно отживших идей, а растворять себя в мире и диссипировать вместе с ним. Он не должен «бояться расстаться с самим собой прежним», и в этом случае может «вынырнуть из космической стихии обновленным».

Если спроецировать данное обобщение синергетиков на акт творчества А. И. Куприна, то видимая профессионалу «бессистемность» его художественных поисков и отсутствие сформировавшегося, однозначно «купринского героя», обретает свою закономерность. Разновариантное обобщение прошлого и постоянное экспериментаторство стало судьбой данного писателя, как раз и «диссипирующего» вместе с миром.

Отсутствие диссипации в судьбе художника либо его героя, живущих в нестабильное время, чаще всего ведет к их внутреннему крушению или к физической гибели. Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов объясняют это, размышляя об особенностях мыслительного акта человека, переживающего «слом сознания». В их исследованиях проблема личности переходного времени соприкасается с проблемой «резонирующего объекта», или «самовсплывания структур памяти»

[5, с. 140–145]. Обобщения, к которым пришли исследователи, выглядят следующим образом. На первый взгляд кажется, что «...ушедшие в подсознание... (прошлые) инстинкты, автоматизмы, огромные блоки чувственной и понятийной информации... никак не влияют на сознательную жизнь человека...» [5, с. 141], но на самом деле это не так. «Непроявленное» (или «тонкое», следы прежних процессов) вновь становится проявленным, осязаемым и видимым, свернутое и глубоко скрытое разворачивается и выходит на поверхность...» [5, с. 144]. В этом случае человек должен либо отказаться от этих «следов прошлого», либо откорректировать их в соответствии со временем. В данном контексте реакция купринского Ромашова на нигилистические монологи Назанского из повести «Поединок» становится нам особенно понятной.

Юрий Алексеевич, с детства воспринимавший слова «русский офицер», «русская армия» в ореоле славы и человеколюбия, конечно же, сразу и безоговорочно не мог взять на веру теорию «сверхчеловека» и «разумного эгоиста» в интерпретации Ницше, а тем более в трактовке Назанского. Он предпочел оставаться традиционным и «наивным гуманистом». Поэтому его отношения с Хлебниковым, как излишне «либеральные», насмешливо комментируют сослуживцы. Несмотря на уважение, которое он испытывает к Назанскому, взаимопонимания между героями быть не может — Назанский слишком быстро и цинично отказался от идеалов прошлого, а Ромашов еще привязан к тому, что было его юношеской мечтой. В общем, оказавшись совершенно лишним в среде как «старых», так и «новых» людей своего окружения, Ромашов попадает в ситуацию активного отторжения. Оно было столь жестким и жестоким, что сохранить жизнь не удалось.

Хаос и ситуация переходности особенно богаты драматическими и трагическими коллизиями. Ромашов А. И. Куприна, подтверждая это наблюдение, дает возможность понять и других, на первый взгляд странных, персонажей писателя. Не нашла в себе сил справиться с личной трагедией Лидия Николаевна Гольская («Последний дебют», 1889) — актриса, неожиданно для всех, убивает себя на сцене. Оказался не способным преломить ситуацию герой повести «Река жизни» (1906). Давно считает себя умершим Никифор Ильин — художник, загубивший жизнь и талант в пьяном угаре («Погибшая сила», 1900).

Траекторию движения человека и общества «рубежного времени» характеризуют «хождение по кругу», путь «в никуда». Очень немно-

гие в этой ситуации находят в себе силы «выпрямиться». Зависит это снова-таки либо от случая, либо от силы воли. Первый вариант «прозрения героя» реализован в рассказе А. И. Куприна «Мясо» (1895). В нем студент Полубояринов, какое-то время не считавший жизнь благом и говоривший, что его ждет участь «сто пятого номера» в анатомическом театре, в какой-то момент пережил потрясшее его ощущение близкой смерти. Вот тогда и наступило прозрение: «Жить во что бы то ни стало, как можно больше, как можно шире!» [6, с. 315].

«Коловращению» подвержены герои повести «Впотьмах» (1892). Чувство мрака постоянно сопровождает их, порождая ощущение абсолютной беспросветности, которое в тексте повести подтверждается образом всепоглощающей тьмы, ставшей основанием для названия произведения.

Колосова в растерянности мечется между устойчивой моралью и желанием помочь Аларину. Аларин воспринимает жизнь ничтожной, но и сам живет «как все»; заводчик Кашперов, впервые испытал настоящее чувство, не умеет о нем высказаться. В общем, принадлежа к различным общественным, сословным группам, все погружены в хаос. А. И. Куприн прочитывает эту жизненную ситуацию, исходя из оппозиции «казалось — оказалось». Его «заплутавшие» герои близки к убийствам или к самоубийствам и не видят выхода. Синергетики объясняют данное положение вещей следующим образом: самореализация возможна только тогда, «когда человек достигает состояния душевного равновесия, получает возможности для максимальной самореализации, раскрытия своего таланта, свечения своего духа» [4, с. 42]. Этого не было и не могло быть у большинства героев переходного времени по той причине, что у них не хватило смелости «растаться с собой».

Итак, стилевая разнородность, экспериментирование возможностями нескольких художественных методов стали характерной особенностью А. И. Куприна, как и всех лучших представителей литературы рубежа XIX–XX веков. Ему был интересен «поток жизни», трудности ориентирования в нестабильном времени рождали желание делить мир на познаваемый и метафизический, «игра с прошлым» стала частью его творчества.

Синергетический ряд определений творчества А. И. Куприна позволил классифицировать модель мира в ее современном прочтении. Она воспринимается как диссипативная и подверженная синдрому

«коловращения». В ней отмечены бифуркации: мышление, чувствования и поступки купринских героев соотнесены с синдромом самовсплывания «следов памяти». Можно утверждать, что неравновесность переходного времени в творчестве писателя реализуется как в выборе тем и коллизий произведения, так и в характерах его героев.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Анищенко В. С. Нелинейная динамика хаотических и стохастических систем / Анищенко В. С., Вадивасова Т. Е., Астахова В. В. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1999. — 368 с.
2. Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании / В. Г. Буданов. — [Изд-е 2-е, испр.]. — М. : Издательство ЛКИ, 2008. — 232 с.
3. Затонский Д. В. Модернизм и постмодернизм: Мысли об извечном коловращении изящных и не изящных искусств / Д. В. Затонский. — Харьков : Фолио; М. : АСТ, 2000. — 256 с.
4. Князева Е. Н. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. — М. : КомКнига, 2007. — 272 с.
5. Князева Е. Н. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры [Электронный ресурс] / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. — Режим доступа: <http://www.spkurdyumov.narod.ru>
6. Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. / А. И. Куприн. — М. : Художественная литература, 1971–1973. — Т. 1. — 1971. — 511 с.
7. Малинецкий Г. Г. Пространство синергетики: Взгляд с высоты / Г. Г. Малинецкий. — М. : Книжный дом «Либроком», 2013. — 248 с.
8. Пригожин И. Р. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Р. Пригожин, Из. Стенгерс. — М. : Прогресс, 1986. — 431 с.

ПЕРСОНАЖІ О. І. КУПРИНА В КОНТЕКСТІ СИНЕРГЕТИКИ

Наталія Абабіна, канд. філол. наук, доц.

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

У статті зазначається, що показники перехідного часу — нестабільність, безперспективність, відчуття «кружляння» — властиві і світобаченню людини, що живе в ньому. У зв'язку з цим цілком закономірне наше звернення до прози О. І. Купріна — вона актуальна і сучасна для нас та несе в собі показові риси «перехідної» художньої свідомості. Вона відтворює відчуття кризи і хаосу, які стали «обличчям часу»; відображує багатовекторність пошуку; демонструє іронічне ставлення до дійсності, що не відповідає уявленням про гармонію як основу житт-

тя; коригує пріоритети буття. Усі ці якості свідчать про те, що в перехідний час кінця XIX — початку XX ст. формуються нові стосунки людини зі світом, властиві і для нашого безідейного часу.

Ключові слова: нелінійна система, синергетика, самоорганізація, біфуркація.

A. I. KUPRIN'S CHARACTERS IN THE CONTEXT OF SYNERGETICS

Natalia Ababina, Candidate of Philological Sciences

Odessa I. I. Mechnikov National University

The researchers have already proved that all the unstable boundary times have common patterns in their development. Such main features of a transitional period, as instability, impression of 'circumrotation', lack of prospects and discreteness of ideas, are also peculiar to ideology of people living in those times.

Thus, the author's reference to A. I. Kuprin's prose is quite natural. She examines his artistic works in the context of synergy, referring to the latest researches in the theoretical field of unbalanced systems. A. I. Kuprin's heritage is up-to-date for us and carries the distinctive features of 'transitional' artistic consciousness. It reflects the dissipative outline of unstable thinking, inclination to synthesis of the old way and new, advantages of experiments that are organic for formation of a new picture of the world. His works reveal the sense of crisis and chaos, which represents that period. They also show discreteness of the world, demonstrates ironic attitude to reality, which doesn't support the idea of harmony as the base of life and amends the priorities of existence (social existence gives way to ethical values). All those features show that during the transitional period of the end of the 19th — beginning of the 20th centuries new person-world relationships are formed, which are also peculiar to our ideologically uncommitted world.

General conclusions, made in the article, claim to be universal in a certain way and can be used to analyse present day postmodern texts as the latest phenomena of transitional times.

Key words: nonlinear system, synergetics, self-organization, bifurcation.

REFERENCES

1. Anishhenko, V. (1999), Acquaintance with nonlinear dynamics, *Nelinejnaja dinamika haoticheskikh i stohasticheskikh sistem* [Nonlinear Dynamics of Chaotic and Stochastic Systems], izdatelstvo Saratovskogo universiteta, Saratov [in Russian].
2. Budanov, V. G. (2008), *Metodologija sinergetiki v postneklassicheskoj nauke i v obrazovanii* [Methodology of synergy in postnonclassical science and education], izdatelstvo LKI, Moscow [in Russian].
3. Zatonskij, D. V. (2000), *Modernizm i postmodernizm: Mysli ob izvechnom kolovrashhenii izjashhnyh i neizjashhnyh iskusstv* [Modernism and postmodernism. Thoughts about eternal circumrotation of fine and other arts.], Folio, Har'kov, AST, Moscow [in Russian].

4. Knjazeva, E. N. and Kurdjumov, S. P. (2007), *Sinergetika: Nelinejnost' vremeni i landshafty kojevoljucii* [Synergy: nonlinearity if time and landscapes of coevolution], KomKniga, Moscow [in Russian].
5. Knjazeva, E. N. (2002), Foundations of Synergy. The sharpening regimes, self-organization, tempo-world, available at: http://platonanet.org.ua/load/knigi_po_filosofii/sinergetika/knjazeva_kurdjumov_osnovanija_sinergetiki_rezhimy_obostreniem (access March 1, 2016).
6. Kuprin, A. I. (1971), *Sobranie sochinenij: v 9-ti t.* [Collected works vols. 1–9], Hudozhestvennaya literatura, Moscow, Vol. 1 [in Russian].
7. Malineckij, G. G. (2013), *Prostranstvo sinergetiki: Vzglyad s vysoty* [Space of synergy: Looking from above], Knizhnyj dom «LIBROKOM», Moscow [in Russian].
8. Prigozhin, I. R. and Stengers, Iz. (1986), *Porjadok iz haosa. Novyj dialog cheloveka s prirodoy* [Order out of chaos. The new dialogue of a man with nature], Progress, Moscow [in Russian].

Стаття надійшла до редакції 13 березня 2016 р.